

Вооруженные солдаты и рабочие в Петрограде в феврале 1917 года. Сегодня исполняется ровно сто лет со дня начала событий в Петрограде – позже названных Февральской революцией – заставивших царя Николая II отречься от престола и заложивших основу для эксперимента с коммунизмом, продолжавшегося 74 года.

Нынешний российский лидер Владимир Путин очень хотел бы, чтобы его воспринимали как наследника мощи и славы периода расцвета династии Романовых, смещенной с трона в 1917 году. Но возглавляемая Путиным система по форме и содержанию является скорее преемницей советского коммунизма, нежели продолжательницей царистских традиций.

Именно по причине подобной раздвоенности кремлевские идеологи оказались в неловком положении: как сказал Марк Эдель (Mark Edele), Кремль сейчас «не может ни полностью принять, ни полностью отвергнуть» бурные события 1917 года.

Очевидно, что Путин одновременно испытывает как симпатию, так и антипатию к большевизму. С одной стороны, он заявил, что не является большим поклонником Ленина и его последователей. Он назвал большевиков предателями, подрывавшими усилия России на фронтах Первой мировой войны, в результате чего Россия «проиграла проигравшей стороне». Он также подверг критике внутреннюю и экономическую политику большевиков, и охарактеризовал национальную политику Ленина как бомбу замедленного действия, взорвавшуюся в 1991 году, что привело к развалу СССР.

В то же время Путин отметил, что ему «очень нравились и до сих пор нравятся коммунистические и социалистические идеалы». Более того, он гордится членством в Компартии и 20-летним стажем работы в КГБ – ведомстве, которое, как он однажды – судя по всему, с гордостью – сказал, является «преемником ЧК» и «вооруженным подразделением партии».

Противоречивые взгляды Путина объясняются не только когнитивным диссонансом. Двойственность позиции Кремля относительно революций 1917 года является следствием того, что Россия пока не определилась со своей постсоветской идентичностью.

С точки зрения культурной идентичности, путинская Россия жаждет восстановить связь с утерянным миром династии Романовых. Русская православная церковь причислила Николая II к лику святых, а Путин устраивает пышные и помпезные церемонии в явной попытке имитировать великолепие царистской эры. Но никуда не денешься от того факта, что современная Российская Федерация является прямой преемницей советского режима. Действительность такова, что принятый большевиками 22 ноября 1917 года указ об отмене всех законов Российской империи остается в силе. Данный указ вычеркнул многовековые традиции из юридической памяти России.

Прочность советского наследия подчеркивает тем, как постсоветская Россия решила вопрос частной собственности. Экономические отношения в современной России основаны на принятом после развала СССР решении признать законность советских понятий о собственности, т.е. что земля, строения и предприятия принадлежат государству, а не отдельным людям. После этого можно было с легкостью приватизировать «государственную» собственность как будто она никому раньше не принадлежала. В рамках проведенной в 1990-е годы приватизации были проигнорированы права собственников царистской эпохи, лишившихся своего имущества вследствие произвола большевиков.

Последствия решения не возвращать или компенсировать «национализированную» большевиками собственность продолжают ощущаться в России по сей день, т.к. оно усилило атмосферу беззакония и отсутствия гарантий прав собственности. Построить динамичную экономику не удастся, если не обеспечить неприкосновенность собственности и единообразное применение законодательства, касающегося имущественных прав.

Хотя путинская администрация время от времени высказывается с критикой прошлых тоталитарных действий, коммунистическому периоду в истории России пока не была дана

полная моральная и историческая оценка. Россия пока не отреклась от многочисленных преступлений коммунистического режима и не осудила их, вследствие чего не было и актов национального искупления. Есть даже основания утверждать, что процесс морального возрождения российской нации еще не начался.

Именно такого мнения придерживался Александр Яковлев, один из «архитекторов» перестройки, реформаторского движения конца 1980-х годов, которое ставило целью повысить эффективность советской интерпретации коммунизма, но положило начало развалу системы. Незадолго до своей кончины в 2005 году Яковлев дал интервью Джонатану Бренту (Jonathan Brent), инициатору серии «Хроники коммунизма», занимавшему тогда должность шеф-редактора Yale University Press.

«Во время беседы, – написал Брент в своей опубликованной в 2008 году книге «В архивах Сталина», – Яковлев неизменно возвращался к тому факту, что Россия не была полностью десоветизирована. Не было Нюрнбергского процесса, общего подведения итогов, примирения между жертвами и обидчиками, возвращения собственности или предоставления соответствующей компенсации многим миллионам людей, чьи жизни были непоправимо сломаны [ленинской и] сталинской «утопией»».

«Вместо этого страна постепенно погружалась в ... безразличие и забвение, и уже не понимала, хочет ли она свободы, и практически забыла, что такое свобода», – добавил Брент.

Двойственность позиции российского руководства относительно революций 1917 года также является побочным результатом его неспособности сформулировать вдохновляющее видение будущего. Каков социальный идеал современной России? В каком направлении движется страна? Некоторые слои российской политической элиты позиционируют себя в качестве сторонников консервативных идей. Но одним из ключевых столпов консерватизма является уважение к институтам. Другие утверждают, что являются поборниками политической системы, во главе которой стоит мудрый и сильный «национальный лидер». Но идеология, основой которой является харизматичный лидер, требует наличия больших идей и видения будущего.

Между тем постсоветская Россия не является страной, где особо уважают институты, или генератором больших идей. Будучи неспособным выработать привлекательное видение будущего России, руководство страны озабочено по большей части лишь сохранением собственной власти.

Как следствие, притязания России на статус великой державы, а также приоритезация Кремлем централизации власти и сохранения стабильности в стране над всеми остальными вопросами, строятся на эклектическом историческом фундаменте, состоящем из разрозненных элементов советского и царистского прошлого.

Игорь Торбаков является старшим научным сотрудником университета Упсалы (Uppsala University) и Шведского института международных отношений (Swedish Institute of International Affairs) в Стокгольме. Точка зрения автора статьи может не совпадать с позицией редакции EurasiaNet.